

Ци Шоулинь встречал Новый год один, в этом большом доме, в одиночестве, и неизвестно, ел ли он вообще.

— Ээ... Я приготовлю ужин? — Чи Янь предложил троим. — Президент Ци тоже поест.

Как только Чи Янь скрылся на кухне, в гостиной остались только трое, смотрящие друг на друга.

Телевизор был включен, показывая новогодний концерт с натужными шутками. Никто не говорил, и атмосфера стала еще более неловкой.

Это был первый раз в жизни Чи Иляна, когда он находился так близко к взрослому мужчине-альфе, разделенные только столом. Он был нервным, напуганным, сидя вплотную к сестре. Но любопытство брало верх, и он то и дело украдкой поглядывал на Ци Шоулиня.

В отличие от невинности младшего брата, Чи Мэнцзя уже многое повидала. Возможно, даже отец и брат Чи Янь не знали, о чем она думала.

Хотя она не чувствовала феромонов Ци Шоулиня на Чи Яне, она интуитивно ощущала, что сегодняшний вечер был беспокойным. И Ци Шоулинь определенно был к этому причастен.

Чтобы подтвердить свои догадки, она ждала подходящего момента. И Ци Шоулинь, как и ожидалось, заговорил.

Во время последнего инцидента с избиением Чи Яня, Ци Шоулинь и Чи Мэнцзя уже встречались, поэтому он обратился напрямую к ней.

— Что на этот раз случилось с твоим братом?

— Он просто разозлил папу, — Чи Мэнцзя быстро соображала, но внешне выглядела так же развязно и высокомерно, как в те времена, когда она общалась с местными хулиганками. — Он сам виноват...

— Брат не... — Чи Илян под столом схватил сестру за запястье, но она его остановила.

— Папа с детства твердил нам, чтобы мы не сближались с альфами.

— А он осмелился спать с альфой на стороне и вернуться домой, пахнущий альфой...

— С виду такой скромный, а на самом деле такой подлый...

— У него голова, как у деревяшки, может, он просто не смог выжить в этом мире, и кто-то дал ему денег, чтобы он делал, что хочет...

— Ты будешь говорить уважительно! — Ци Шоулинь с грохотом ударил ладонью по столу, фарфоровая чашка упала и разбилась на куски. Даже стекла на втором этаже, казалось, задрожали.

Глаза Чи Ильяна сразу наполнились слезами, он обнял себя за плечи, словно пытаясь защититься от взрыва ярости, исходящей от феромонов альфы. Он же просил сестру остановиться...

— Что случилось? — Чи Янь высунул голову из кухни, услышав громкий звук.

Ци Шоулинь сразу сдержал гнев, хотя в его почти беззвучном хриплом голосе все еще чувствовалось напряжение:

— Ничего. Просто чашка упала.

Чи Янь посмотрел и увидел, что это правда. Он тут же взял веник и тщательно подмел, даже провел рукой по полу, чтобы убедиться, что не осталось осколков. С улыбкой извинился перед Ци Шоулинем:

— Еще немного, и все будет готово.

Когда Чи Янь вернулся на кухню, Ци Шоулинь снова перевел взгляд на Чи Мэнцзя.

Беты, хоть и не так остро чувствуют феромоны, как омеги, все же ощущают их. Чи Мэнцзя, в отличие от Чи Яня, не страдала невосприимчивостью к феромонам, и перед таким мощным, подавляющим запахом она не могла не испугаться. На самом деле, ее ноги даже дрожали.

Но она держалась, тяжело дыша, чтобы успокоиться после испуга.

Ее неуклюжая уловка сработала.

Хотя в прошлый раз она уже заметила, что этот мужчина как-то по-особенному относится к брату, но сейчас...

Она подумала, что все ясно.

— Видишь? — Чи Мэнцзя горько улыбнулась. — Вот он, мой брат.

— Вот так он дома...

— Не знаю, как старшие сыновья в других семьях получают все, что хотят, но с самого детства он должен был заплетать мне косы, а Чи Иляну служить лошадкой...

— Когда я захотела свою комнату, ему пришлось спать в гостиной...

— Чи Илян и я могли занимать папины объятия, а он должен был просто смотреть...

— Даже проверяя, не осталось ли осколков на полу, он делал это рукой...

— Не красивый, но и не уродливый. Не выдающийся, но и не плохой. Просто есть, и с ним все в порядке.

В голове Чи Мэнцзя, как в калейдоскопе, всплывали воспоминания о ее детстве, когда она была капризной и эгоистичной, и сколько всего было построено на страданиях, мечтах и труде Чи Яня.

Он ведь тогда... был всего лишь ребенком.

— Я даже никогда не писала в школьных сочинениях, что он хороший...

— Вот он, мой брат.

Он просто такой... обычный человек.

*

Это был «странный» новогодний ужин.

Из-за произошедшего ранее Ци Шоулинь и сестра с братом выглядели не слишком радостно. Только Чи Янь, словно «хозяин», накладывал всем еду, стараясь создать теплую атмосферу.

Хотя, по правде говоря, у этих людей не было достаточно близких отношений, чтобы вместе ужинать.

Не говоря уже о новогоднем ужине.

— Простите, у меня не особо выдающиеся кулинарные навыки, но голодным не останетесь... — он положил еду Чи Мэнцзя и Чи Иляну, а затем пододвинул рыбу на пару к Ци Шоулиню. — Конечно, это не уровень ресторанного повара.

Ци Шоулинь, как хозяин, первым взял палочки, и все начали есть.

Хотя все были погружены в свои мысли, дети, видимо, действительно проголодались, и весь ужин был съеден дочиста.

Время уже было позднее, и Чи Янь поспешил отправить их мыться и спать, а сам занялся уборкой стола и посуды.

Когда пробило полночь, наступил новый год.

В доме Ци Шоулиня был просторный балкон с прекрасным видом на далекие фейерверки.

Чи Янь вытер руки и замер, глядя на них.

Это мог бы быть прекрасный праздник.

Во всем виноват он.

Чи Янь первым поднялся наверх и, увидев, что дверь Ци Шоулиня закрыта, не стал беспокоить. Войдя в гостевую комнату, он увидел, как Чи Мэнцзя и Чи Илян разговаривают, но, заметив его, замолчали.

Чи Янь не знал, как младшие смотрят на него.

— Это президент Ци? Брат? — Чи Мэнцзя напрямую спросила.

— А? — Чи Янь не понял.

— Я имею в виду... твои феромоны, они от него? — объяснила она.

— Я... нет... какие феромоны, я не знаю. — Чи Янь действительно не чувствовал их, но в его голосе прозвучала нотка неуверенности — они спали вместе много раз, и с его скудными знаниями в физиологии он не мог быть уверен, остались ли на нем феромоны, ведь он не был омегой.

— Тогда... — Чи Мэнцзя попыталась выразиться мягче. — Ты встречаешься с президентом Ци?

Чи Янь широко раскрыл глаза, замахал руками и неловко засмеялся:

— Как это возможно?! Кто он, а кто я...

— Правда? — Чи Мэнцзя намеренно высказала свои мысли. — Но даже если вы друзья, он делает для тебя слишком много, не так ли?

Старшего брата, который был на несколько лет старше, поставили в тупик вопросы младшей сестры.

Чи Мэнцзя встала и тихо сказала:

— Ты всегда такой, брат...

— Никогда не видишь других и не понимаешь себя.

Чи Янь остался спать вместе с Чи Иляном. Братья давно не спали в одной кровати. Чи Янь был теплым, и Чи Илян прижался к нему. Он был омегой и уже давно чувствовал на брате запах альфы, но мог молчать, мог хранить его секрет.

Он думал, что брат всегда слушался папу, а теперь осмелился послушаться, должно быть, он очень сильно любил того человека.

Но брат отрицал это, и к «президенту Ци» он относился с таким почтением, что не было видно никаких признаков влюбленности.

Взрослые такие странные... — подумал Чи Илян, погружаясь в сон.

Но это неважно... Брат все равно его...

На следующее утро Чи Янь забрал Чи Ияна и Чи Мэнцзя домой. Отец вернулся к обеду.

Они снова пошли в больницу навестить Тань Чэ.

К удивлению, Ци Шоулинь позвонил Чи Яню и сказал, что не нужно идти в вчерашнюю палату. Он организовал отдельную палату для высокопоставленных пациентов. Чи Янь на мгновение онемел, горько улыбнувшись:

— Вам не нужно было этого делать... Я уже не смогу отблагодарить вас за все ваши доброту.

<http://bllate.org/book/15527/1380460>